

О ПОПОВЕ Б. Л. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПОПОВ Борис Лазаревич, родился в 1870 в Тифлисе. Офицер русской императорской армии. В 1905-1905 — участник Русско-японской войны, был ранен; с 1914 — участник Первой мировой войны, на фронте был тяжело ранен. В 1920-х — проживал с женой М. Поповой в Иркутске, занимался починкой обуви, уборкой дворов и поденной работой. 4 декабря 1929 — арестован как контрреволюционер и руководитель банды и заключен в тюрьму.

В марте 1930 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена М. Попова.

<25 марта 1930>

«Тов<арищ> Пешковой

4-го XII п<рошлого> г<ода> арестован ГПУ мой муж, Борис Лазаревич Попов, 60 л<ет>, бывший офицер старой армии, обвиняемый по 58 ст<атье> п<ункт> 10, как контрреволюционер и организатор банды. При обыске, очень тщательном, положительно ничего компрометирующего не найдено. Сидит до сих пор. На днях следствие по его делу закончено, вины не найдено и будет рассматриваться вновь. Обвинение это вызвано нашей поездкой прошлым летом в деревню, где, с целью улучшения скудного материального положения и облегчения тяжелого труда мужа (страдает камнями печени), решили заняться кролиководством, для чего продали все. Прожив там 2 месяца, мы увидели, что напрасно взялись за это дело и вернулись в Иркутск ни с чем. Снова пришлось заняться починкой обуви, уборкой дворов, поденной работой, чем и занимались почти все время революции, живя по комнатам, что и подтверждено было многими свидетелями.

Вся вина в том, что 40 л<ет> назад, когда не было ни красных, ни белых, муж надел военную форму и, как все, отдавал свою жизнь и силы за ту же Россию, за тот же народ, который его теперь обвиняет. В Японскую и Германскую войны был тяжело ранен.

С арестом мужа я поставлена в безвыходное положение. Живу в холодном, сыром подвале, недавно мне сделана тяжелая операция, после которой физически работать не могу. К тому же у меня больные легкие и сердце и в довершение всех бед сломала левую руку. Ни родных, ни детей нет, помощи ждать неоткуда — единственная надежда на мужа.

Вы, как женщина, поймете весь ужас положения, поймете не как судья и строгий исполнитель, поэтому я решаюсь обратиться к Вам за помощью об освобождении мужа.

Нам ли, старым, больным людям, думать об организациях и выступлениях, когда и жить то осталось немного.

М. Попова.

25/III -1930 г<ода>.

Иркутск, ул<ица> Володарского

(б<ывшая> Благовещенская), д<ом> № 11»¹.

16 мая 1930 — Борис Лазаревич Попов был приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. В июне 1930 — его жена, М. Попова вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<8 июня 1930>

«Тов<арищ> Пешкова.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 465. С. 20-21. Автограф.

Что делать, что делать, ведь же кошмар. Сегодня мне сказали в прокуратуре, что муж осужден на высылку в лагерь на три года. Так где же правда, где справедливость? За эти 6 месяцев у мужа на почве сердца отнималась левая рука и весь он оттек. У меня ожидание операции, конец, который неизвестен. Вечное ожидание, волнение, жизнь впроголодь не дадут силы перенести легко серьезную операцию. Лечь я сейчас не могу, пока не выяснится положение. За что же нас старых, больных людей так мучают? Чем мы так провинились? Верьте мне, верьте, быть может, мне не долго жить, может быть, это последние слова, не ложь и обман и желание оправдаться, ведь нет вины никакой. Следовательно по просьбе мужа опрашивал в деревне, куда мы ездили в прошлом году, и что ставится в вину, соседей и крестьян; и те показали, что не только агитации, но даже не видали мужа, так как он все время был занят кроликами и переплетом книг в школу, для чего и ехали, думали лучше прожить, чем в городе, где уже не было работы. И соседи по комнатам и знакомые сказали то же. Что же теперь? У меня голова идет кругом, я ничего не соображаю. Высылка на 3 года. Я послала Вам 29 апр<еля> письмо со вложенным заявлением в ответ на отношение за № 905. Ответа нет, а его могут выслать. Как ни трудно мне было, но была цель жизни, была надежда, а теперь, мы прожили более 30 лет и одним словом все разбивается — ссылка на 3 года. Я знаю, что я напрасно Вас беспокою опять, но это последний раз. Не поставьте мне это в вину. Если уж совсем нельзя оправдать, то хоть бы смягчили приговор, ну, выслали бы за пределы минус 6, прожили бы как-нибудь, а так я поставлена в ужасное положение. Ведь так мало мы просим — только дожить спокойно наши немногие годы.

А ведь при другом отношении к нам тоже могли бы принести пользу, могли бы быть друзьями по мере сил и возможности, помогали в общем деле. А теперь страшно подумать — одинокая, полуголодная жизнь и медленная смерть. Простите. Это последнее письмо. Что будет — судьба.

М. Попова

Мне дали, наконец, свидание, вероятно, ввиду ссылки, и муж сказал, что показания все были за него, и лишь один бывший белый, служащий негласно в ГПУ, спасая свою шкуру, пока дал противное, и этому показанию поверили.

8/III-1930.

Иркутск, Грамматинская, <дом> 5, кв. 3

На отношение за № 905 от 19/IV - 1930 г<ода>»².

Завершается письмо — пометой заведующего юридическим отделом Помполита: «Ув<ерен>, что по справке отец здесь сидит, дела нет. С ходат<айством> о смягч<ении> приг<овора> по болезни пусть будет на месте. Представить свидет<ельство> о болезни».

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 465. С. 31. Автограф.